

ЧЕРЕПАХА ФРОСЯ

Мой друг захотел купить животное. Чтобы живая душа была в доме, но без проблем по уходу. Под проблемами он понимал кормление, уборку, купание и так далее. Такие разговоры играли, скорее, роль психологической отдушины и, как все благие намерения, понемногу стали забываться. Но однажды мы оказались в зоопарке «Роев ручей» и зашли в павильон рептилий. Большое количество разнообразных красивых черепах произвело сильное впечатление, и другу стало ясно, каким должно быть любимое домашнее животное.

Начало лета — самый привоз черепах. Их продавали прямо из картонных коробок на улице. Мы выбрали симпатичную среднеазиатскую черепашку и выслушали наставления тётки-продавщицы. Всё казалось так просто, что друг спросил: «А если она начнёт класть яйца?» Все оценили удачную шутку.

Черепаху назвали Фрося. Это было забавное активное животное. Основной территорией её проживания стал балкон. Приходя в гости, я приносил черепашке одуванчики, а друг, заядлый грибник, приносил из леса растения. Больше всего Фросе нравились цветы саранок.

Черепашка оказалась смышлёной, через некоторое время стала понимать имя Фрося и быстро

привыкала к новым условиям. Когда хозяин приходил из леса с охапкой зелени, черепашка выходила навстречу и даже, бывало, бежала на трёх лапках, махая одной лапкой в воздухе. Откуда это у неё?

Вскоре выяснилось, что черепашка вообще склонна к дрессировке. Когда я отложил в дальний угол помеченную ею во время кормления газету и газета осталась там лежать, черепашка начала ходить туда в туалет. После этого мы посмотрели на Фросю другими глазами, принялись с энтузиазмом и вниманием обращаться с нею.

По-видимому, по интонации Фрося стала понимать некоторые команды, хоть и не всегда спешила их выполнять. Избалованной повышенным вниманием черепашке хотелось, чтобы за ней поухаживали да поупрашивали: бывало, выходила на первые звуки приготовления еды, и если её не начинали кормить сразу, уходила в дальний угол, и только вручную можно было вернуть её обратно. Тут уж она принималась есть.

Но наступала осень. Преимущества содержания на балконе и кормления лесными травами заканчивались. Я выпросил Фросю на зиму к себе. Сначала всё шло хорошо. Небольшое снижение аппетита и сонливость черепашки вполне объяснялись сменой сезона года. Но вскоре с Фросей стало происходить что-то явно неладное. Начал деформироваться панцирь, задний ряд пластин изгибался вверх в виде гребня. Фрося захворала. В её взгляде, прежде живом и весёлом, проскальзывали мучение и безысходность.

Что делать? Посоветоваться было не с кем. Друг выбрал тактику обвинения меня в неумении ухаживать за Фросей, но реально помочь ничем не мог. В наиболее полной книге Васильева «Черепахи» указывалось, что в домашних условиях не более двадцати процентов черепах переживает первую зиму. И ещё: по причине высокого физиологического ресурса выживаемости черепахи умирают медленно, а значит, мучительно.

Я вспомнил зазывные слова тётки, продавшей нам Фросю: «Купите неприхотливое животное — черепаху». С этого момента и до весны я регулярно вспоминал эту фразу. Поехал в «Роев ручей». Первые же слова, которые услышал: «Сначала надо создать инфраструктуру для черепахи», — ввергли меня в ощущение нереальности. Когда дома перечитывал записи, у меня опускались руки.

Список был длинным и трудным для исполнения. Тезисно были записаны наставления по кормлению, купанию, ветеринарному уходу и так далее.

Как-то не верилось во всё это. Как же: «Вот мой знакомый школьник второй год держит черепаху под диваном» и так далее, — говорили мне. Между тем Фросе становилось всё хуже. Она уже не ела и открывала глаза, только когда я брал её на руки. Взгляд её «являл живую муку». А тут ещё в только что приобретённой брошюре Махлина «Черепahi у вас дома» я прочитал о фатальной чувствительности черепах к стрессам. Махлин, герпетолог и руководитель живого уголка во Дворце пионеров, уехав в отпуск, оставил на попечение пионеров черепаху, до этого свободно проживавшую у него в квартире. В скученном террариуме черепаха села в угол, ничего не ела и вскоре умерла от стресса. Я позвонил другу и спросил, зачем он совершил такой необдуманный поступок — купил черепаху. Он нашёл ответ, лучший из всех возможных: «Вместе покупали».

Я дозвонился в Московский зоопарк Д. Б. Васильеву, автору книги «Черепahi».

Дмитрий Борисович оказался внимательным и отзывчивым человеком. Он подтвердил экстренность и полноту записанных в «Роевом ручье» мер по уходу за черепахой и попросил прислать фотографии, чтобы точнее назначить лечение. У меня для Фроси сложился тяжёлый выбор: «Казнить нельзя помиловать». Откладывать решение было невозможно.

Жертвой пал довольно уютный и обустроенный угол с компьютером и книжной полкой. Я сложил компьютер и книги в коробки, а компьютерный стол отвёз на работу. В магазине «Сделай сам» купил брус и доски. Взял в руки ножовку, дрель, молоток, и через неделю совсем не уютная стойка в углу комнаты была готова. Главной её частью стал, конечно, не дощатый теперь настил для компьютера, а будущий солярий в нижней части. С помощью съёмной передней стенки я планировал превращать его в террариум.

Но это было только начало. Расслабиться не давала живая душа в доме, которая вполне могла перестать быть таковой.

В специализированных отделах зоомагазинов я закупал светильники с люминесцентными лампами и финские светильники с лампами накаливания — такие, которые имели ультрафиолетовую составляющую в спектре. Стоимость каждого измерялась сотнями рублей. Когда счёт пошёл на тысячи, стало ясно, что надо просто прекращать считать деньги. Друг-грибник назвал это «правилом правой руки», когда рукой закрывают правую сторону прайс-листа с ценами, а нужные позиции выбирают указательным пальцем левой руки. Я сказал ему спасибо за такое разъяснение.

Но как только я подвешивал и включал очередной светильник, сразу спешил посадить под него Фросю. Она, маленькая, всё принимала, сидела в ещё строящемся солярии. Её глазки начали открываться. Фрося оживала. Я решал и проблему кормов. За зелёным листовым салатом ездил на Южный рынок. На рынке же покупал кабачки и помидоры. Проще было с яблоками, грушами и так далее. Но главное, что Фрося всё это понемногу ела. Сначала одна, а потом и другая полочка в шкафу около солярия заполнялись коробочками с фирменными кормами и витаминно-минеральными смесями, и я вводил их в рацион Фроси.

Мало-помалу очередь дошла до размещения на стенах солярия растительных орнаментов, выстраивания теплового режима и так далее. Черепашке требовалось сидеть и греться на природном камне, да и фанерное покрытие пола нужно было улучшать. «Купите неприхотливое животное — черепаху!» — приговаривал я, выбивая сапогом смёрзшиеся камни на берегу Енисея. Сортировал, кидал в ведро, дома мыл, кипятил и выкладывал в солярии.

Но главное, что проблемы со здоровьем Фроси стали уходить в прошлое. За заботами незаметно заканчивалась зима. Когда на паласе появились первые пятна весеннего солнца, Фрося с удовольствием грелась в них и перемещалась вместе с ними. Стал выпрямляться её деформированный панцирь. Оказывается, осенью сегменты панциря корёжились не сами по себе, а поворачивались в стыках, и теперь, вновь поворачиваясь, медленно возвращались на своё место.

И наконец — подарок судьбы: Фрося «заговорила». Когда ей становилось страшно, например, если я слишком быстро её опускал, она издавала: «Пи!» Если Фросе не нравилась пища, она отводила головку в сторону и произносила: «Фи!» Знаком удовольствия при погружении в тёплую ванночку было сладостное: «Ф-фых!» Фрося осваивала звуковые частоты, которые теперь её окружали, на которых я с ней разговаривал.

Получается, что Фросе естественным образом захотелось давать мне знать о своей реакции. И если так, то и я, вступая в диалог, говорил, когда нёс купать: «Фрося, ф-фых! Фрося, ф-фых!» Стоило сказать два-три раза, как Фрося, предчувствуя хорошее, принималась активно перебирать лапками в воздухе.

Мне вспоминалась говорящая черепаха Тортила, которую Алексей Толстой описал в «Золотом ключике». Возможно, у него была своя такая же умница.

Летом мы купили черепаху Риту. Как вскоре стало ясно, не всё просто обстояло с якобы молчаливыми в

представлении людей черепахами. Иногда они определённо общались, поочерёдно и почти беззвучно открывая рот друг перед другом; редко произносимые ими — в основном по инициативе Фроси — шипящие и свистящие звуки уходили в высокочастотную ультразвуковую часть спектра — получается, что более характерную для них.

ЧЕРЕПАХА МАРА

Мара была инкубирована из одиннадцатого яйца, снесённого её мамой Фросей. Дата рождения известна точно: десятое декабря 2006 года, когда она вскрыла скорлупу и выбралась наружу. В яйце черепашка лежала свёрнутой в трубочку вдоль длинной его оси, и поэтому сразу после рождения её ширина заметно превышала длину.

По мере развития плода почти весь кальций из скорлупы перешёл к черепашке. Из него сформировались коготки и острые грани клюва (так принято называть рот черепахи).

В природе черепашки вылупляются на глубине десяти-пятнадцати сантиметров под землёй, куда закладывает яйца мама-черепаха. Новорождённые спят вплоть до наступления тёплых дней. Бывает, что яйца откладываются в зиму, и тогда черепашки ждут весну несколько месяцев. Когда земля прогревается солнечными лучами, черепашка воспринимает идущее сверху тепло и прочными коготками начинает рефлекторно рыть путь наверх. Достигнув поверхности земли, она делает свой первый вдох, а открыв глазки, впервые видит свет солнца. Теперь её главной заботой становится поиск корма. Надо сказать, что мама-черепаха откладывает яйца не там, где растёт трава. Она выбирает чистые поверхности земли или песка, роет задними ногами ямку на длину своего панциря, кладёт яйца, зарывает ямку и уходит.

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора, и только у черепахи на Земле нет постоянного места. Благополучно выбравшись из-под земли, крохотуля отправляется на поиск корма. Найдя траву, начинает грызть листики прочным кончиком клюва.

Наша черепашка — инкубированная. Она получила не только защиту от врагов, готовых полакомиться ею в природе. Она сразу получила корм, тепло, заботу и даже имя — Мара.

Описав самый важный период жизни — рождение, давайте пропустим повествование счастливого младенчества и перейдём к рассказу о первом выходе на природу.

Ярким солнечным днём я вынес на прогулку всю черепашью семью: маму Фросю, папу Ритаса и их дочь Мару. Фрося и Ритас занялись поисками еды — ярких цветов одуванчика, сочных побегов подорожника и так далее. А сытая, подкормленная незадолго до прогулки Мара отправилась путешествовать.

Надо сказать, что черепахи — весьма незащитные существа в природе. Даже зрение им не всегда помощник. За камешком или в невысокой, но густой траве они дальше собственного носа не видят. Поэтому, когда на пути Мары оказались заросли, она подумала, походила около них, затем втянула голову в панцирь и продолжила движение вглубь, упорно перебирая лапками.

Пролетавшая мимо стая голубей заметила незнакомое им чудо-животное — черепаху и приземлилась на открытом месте, ожидая появления незнакомки. Трава перед Марой кончилась. Продолжая двигаться, она медленно поднимала голову. Открыла глаза и увидела перед собой плотный строй «динозавров»-голубей, в упор глядевших на неё. Мара потянула воздух носом. Новый резкий птичий запах не предвещал ничего хорошего. Мара повернулась и пошла ко мне, хорошо видимому издали. У голубей сработал рефлекс преследования. Шествие возглавил крупный

чёрный голубь. Мара прибавила шагу. Голуби тоже. Некоторые стали помогать себе, хлопая крыльями. Кто сказал, что черепахи — медлительные существа? Мара помчалась ко мне со всех ног. Весь её вид выражал ужас. Надо было спасать малютку. Я подбежал навстречу и положил на землю раскрытую ладонь. Мара запрыгнула на неё, я прижал малютку к груди, и мы пошли прочь, к Фросе и Ритасу. Я тихонько пропел:

Чёрный голубь, что ты вьёшься
над моею головой?
Ты добычи не дождёшься.
Чёрный голубь, я не твой.

Мара благодарно глядела на меня. Казалось, она меня понимала.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

И сказал Бог: да произведёт вода пресмыкающихся, душу живую.

Библия. Первая книга Моисея «Бытие»

В тот день Солнце посылало Земле скудное декабрьское тепло. Черепашки Фрося и Ритас, повинувшись инстинкту, впали в глубокую зимнюю спячку. Я, как всегда к ночи, выключил у них ультрафиолет и для лучшего воздухообмена убрал переднюю стенку террариума.

Видимо, ничто не происходит случайно, и в этот вечер я совершил две, как потом оказалось, роковые оплошности. Собираясь проведать пустую квартиру уехавших родственников, не обратил внимания на оставленную приоткрытой штору, при том что под моим окном на первом этаже собиралась разношёрстная выпивающая публика. Вторая оплошность состояла в том, что, полив цветы и посмотрев телевизор, я не поехал домой, а остался там ночевать.

Хоть черепашки были почти в оцепенении, в их головах иногда проносились сны, в которых события

недавнего времени смешивались с картинами из эволюции пресмыкающихся. Вот на влажной и ещё почти пустой Земле они, тогда гиганты, сражаются с птицами с перепончатыми крыльями. Из-под покрытых плесенью и ракушками век, подавляя их волю, смотрят кроваво-красные глаза, и заострённый клюв птицы рвёт шею...

Возвращение к реальности произошло оттого, что на черепахах посыпались осколки разбитого оконного стекла, и они почти проснулись. Но оцепенение мешало им двигаться, отползти к стене. Лапа Фроси оказалась порезанной, из неё засочилась кровь.

В луче фонарика воры сначала не заметили черепах. Однако опускающиеся клубы морозного воздуха были для черепах губительны. Эмоции, заменяющие им слова, сначала ужасные и страдальческие, изменялись. Сквозь оцепенение, боль и холод, сознание приближающейся смерти сначала смутно, но потом всё более отчётливо приходило спокойствие, единение с природой.

В минуту крайней опасности черепахи чувствовали друг друга, становились одним целым, как и раньше их предки, когда, не видя друг друга, спасались, следуя за вожаком, движимые инстинктом. Фрося и Ритас уходили из жизни и возносили к природе эмоции прощания, свойственные всем, способным жить и умирать.

Вор заметил Фросю, поднял её и занёс над мешком, чтобы бросить скорбную добычу. В тот же миг его руку остановил старший, недавно ходивший в церковь: «Оставь!»

Вернувшись утром, я первым делом бросился искать черепах. Они, покрытые инеем, каменные на ощупь, лежали в углу. Осторожно, стараясь не надломить лапки и не вынимая осколка стекла у Фроси, я завернул черепах в чистую бумагу и положил в прохладное место. Оставалось ждать.

Позже, отвечая на вопрос: «Что стало с черепахами?» — я только говорил: «Бог спас!»

МАШЕНЬКА И ЛЕСНЫЕ ЗВЕРЯТА

Маша, дедушка и собака Жучка жили в большом доме на краю деревни, рядом с лесом. Дедушка был знахарем. Он лечил травами и отварами людей и домашних животных. Однажды Жучка прибежала из леса, уцепилась за край Машиного сарафана и начала тянуть на тропинку, ведущую в лес. Пришёл дедушка, посмотрел и сказал: «Иди, Машенька, за Жучкой. Видно, беда какая-то в лесу стряслась».

Среди ельника, скрытый от посторонних глаз, лежал волчонок. Его лапка была раздроблена. Волчонок заговорил с Машей человеческим голосом: «Помоги мне, Машенька. Моих родителей застрелили охотники. Меня ранили. Наша семья — цари этого леса. Я остался наследником. Я научу тебя понимать язык живущих здесь зверей. Взрослые животные будут подчиняться только мне, а деточек мы хотим отдать на воспитание тебе — научить выживать, зная повадки людей. Многие гибнут, не ведая, где их подстерегает опасность. От Жучки мы знаем, как праведно вы с дедушкой живёте. Ты добрая девочка».

Маша взяла раненого волчонка на руки и понесла домой к дедушке. Нести было тяжело. Машенька отдыхала, а Жучка в это время зализывала лапу волчонка. Дедушка перевязал рану. Он лечил больного одному ему известными снадобьями.

Вскоре белочка принесла свою малюточку, которая упала с дерева и ударилась о твёрдый корень. Дедушка кормил её кедровыми зёрнышками. Читая молитвы, он капал в зёрнышки сок лопуха.

Волчонок быстро выздоравливал. Иногда Машенька ходила с ним в лес поздно ночью, а то и днём, когда все деревенские были на работе. Рассказывала ему, как определять безопасное для лесных обитателей время. В лесу объясняла собравшимся на опушке зверятам простые правила: нельзя показываться туристам и грибникам,

иначе вскоре за ними придут охотники. Нельзя ходить вблизи дорог. Понемногу звери поверили Маше и дедушке. Когда они нуждались в лечении, Маша приводила их к себе домой, а бывало, они приходили сами.

Дедушка язык зверей не понимал. Ему было только ясно, что Маша избранная. Иногда он просил её узнать у новых друзей о целебных травах и показать, где они растут. В свою очередь, животные узнали от дедушки много нового и полезного. Маша со слов дедушки рассказывала об охотничьих хитростях, о том, как распознавать проволочные петли и капканы, поставленные на тропах. Запрещала нападать на людей, иначе такие животные будут обречены. Объясняла, что единственное спасение зверей — скрытность.

Время шло. Волчонок окреп, вырос и уже почти постоянно жил в лесу, встречая Машу, когда она туда приходила. Звери и дедушка обучали Машу всему, что знали. Она начала понимать язык некоторых домашних животных. Иногда на ушко с ними разговаривала, удивляя людей точностью в определении болезней, о которых домашние ей рассказывали. Маша передавала всё дедушке. Его слава росла.

Наступала осень, начал пролетать снег. На нём становились хорошо заметными следы зверей. Маша советовала ходить по островкам оставшейся травы, а в глубоком снегу ходить так, чтобы обрушались края следов. Мало-помалу вступала в свои права зима. Маша надумала приготовить зверятам новогодний сюрприз. Когда они в конце декабря собрались в их доме, вынесла наряженную игрушками новогоднюю ёлку и принялась обучать песенке «В лесу родилась ёлочка».

Песенка так понравилась зверятам, что все отправились в лес и чуть ли не у каждой ёлочки её пели. Некоторые зверята даже стали кричать, что они полюбили людей, но после Машиных разъяснений пообещали хранить это чувство в душе и вести себя очень осторожно.